

Анна Волок
МОНСТР

Анна Волок

Монстр

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70622032
SelfPub; 2024*

Аннотация

Верите вы в монстров или нет, но они существуют. Их очень много. Они живут среди нас. Это рассказ, вдохновленный трагичной историей Джудит Барси – актрисы, озвучившей героинь в картинах Дона Блута («Все псы попадают в рай», «Земля до начала времен»). О ее судьбе можно прочесть на любом сайте или догадаться по рассказу, который стал для меня самым тяжелым из всех.

Анна Волок

Монстр

*Посвящается Джудит Барси
и другим детям с похожими судьбами*

– Привет. Почему ты не спишь?

Именно с этих слов началось наше знакомство.

Под кроватью было сухо и пыльно. Мои любимые, самые лучшие «сухо и пыльно». Под прочими кроватями иногда попадались машинки, обертки от конфет, книжки и мячики. Мячики – особенно часто. Днем они стучали по полу, надоедая соседям, но, в конце концов, всегда оказывались здесь или под шкафами. Многие задаются вопросом, почему мы выбираем именно кровати? Потому что на них спят дети? Нет, просто под ними интереснее всего. Я всегда любил фантики, их шуршание так здорово пугало ребят надо мной, питая меня их страхами. Всех без исключения... до того часа, пока не появилась она с ее «привет». Признаюсь, я растерялся – не знал, что ответить.

– Эй, ты меня слышишь? – позвала она снова. – Поговори со мной, пожалуйста.

Ее ровный голос привел меня в чувства. Она правда обращалась ко мне. Станный, необычный ребенок.

– Спи. Здесь никого нет, – решил ответить я и приготовился отправиться на поиски достойного ужина в этом доме.

Хотелось поиграть с фантиками, услышать всхлипывания и учащенное биение сердца над собой.

– Меня Даша зовут, – маленькая ручка появилась передо мной, точно для пожатия.

– А меня Вух, – произнес я неожиданно для себя, напрочь забыв про обед и фантики. – Чего ты не спишь?

Станный вопрос. Большинство из нас сами добиваются, чтобы дети не спали, а дрожали, прячась под одеялами, звали мам и пап, кричали и плакали. Наверное, я просто повторил ее вопрос. Зачем? От удивления? Все же я никогда не общался с людьми.

– А ты? – спросила она.

– А я днем сплю.

– Правда? Здорово. Я бы тоже хотела спать днем! Можно к тебе?

– Ко мне? – я совсем удивился, осмотрев свое скромное пристанище. – Но ведь тут скучно, даже фантиков нет!

– Каких фантиков?

– Конфетных.

– Ну так все правильно. У меня ведь нет конфет, поэтому у тебя нет фантиков.

Ее ответ показался логичным. Даже слишком. Из любопытства, чем еще она может меня удивить, я махнул лапой.

– Ладно, спускайся.

На Даше была серая пижама. Короткие темные волосы закрывали пол-лица. В руке она что-то сжимала. Не успел я

испугаться, как раздался щелчок, и тут же мои глаза защищало от боли. Я шикнул, зафырчал и уже собирался раствориться, как она отвела фонарик в сторону.

– Ой, прости! Я не знала, что тебе будет больно, просто хотела тебя увидеть. Не уходи, пожалуйста...

Она что, мысли читает? Я проморгался, все еще недовольно фыркая. Что-то заставило меня остаться даже после ее обидной выходки. Может, голос, полный раскаяния, а может, все тот же интерес, что же случится дальше. Голод все еще давал о себе знать, вот только обедал я каждую ночь, а с детьми не общался ни разу.

– Не уйдешь? – осторожно спросила она.

– Ладно, останусь, – проворчал я, протирая лапой два нижних глаза.

Даша помолчала немного, рассматривая меня в слабом свете ослепительной штуки. Я все никак не мог вспомнить, как она называется.

– А ты совсем не такой, каким я тебя представляла, – наконец улыбнулась она, удобнее размещаясь напротив. Я почему-то смутился.

– А какой?

– Похож на моего пёсика, – она запнулась. – Бывшего пёсика. Он ушел на небо недавно. Раньше мы спали вместе, я так по нему скучаю.

От таких откровений я не знал куда деться и даже отодвинулся от нее. На всякий случай.

– Только у него было два глаза, а у тебя пять. И зубы у него были поменьше. Но в остальном... Слушай, давай поиграем! – она приблизилась, и мне стало неудобно.

– Да во что здесь играть? В прятки, что ли?

– В крестики-нолики, – улыбнулась она и тут же начертила пальцем в пыли решетку, поставив по центру крестик. – Ставь нолик.

– Где?

– Где хочешь.

– А в чем смысл?

– Нужно поставить три нолика или крестика в ряд, так, так или так. У тебя нолики, у меня крестики.

– Ну ладно, – я нарисовал кружок, она – крестик, я снова кружок, она наискосок перечеркнула ряд и заулыбалась.

– Я выиграла. Давай еще.

Что-то гроыхнуло, как будто ударили в стену. Послышались скрежет и крик, или, точнее, плач – тонкий, без надрыва. Можно было подумать, что это и не плач вовсе, а скулеж, но я был подкован в вопросе рыданий и хорошо отличал одно от другого. Решил бы, что мои братья веселятся, если бы не знал, что в этой квартире живет только один ребенок.

– Не бойся, – она сама дрожала, но почему-то решила, что испугаться должен именно я. – Он уже заходил сюда. Сегодня он уже не придет.

– Кто? – заинтересовался я.

– Папа.

Я лишь фыркнул. Все-таки какая-то слишком умная попалась мне жертва: в мудреные игры выигрывает, о том, что монстры вроде меня боятся родителей, знает. Не зря пугали нас Старшие «новым поколением», говорили, что нужно быть аккуратнее, хитрее, изобретательней, иначе дети быстро привыкают. А взрослые еще и помогают им: снимают фильмы про таких, как мы, рассказывают сказки с хорошим концом. Может, перестать быть дружелюбным прямо сейчас, напугать ее до полусмерти? Только я не был уверен, что у меня получится.

– Давай еще поиграем, – предложила она.

– Ну давай.

Даша выиграла еще пару раз, а потом я понял, как у нее это выходит. На третий у нас получилась ничья, а на четвертый мне удалось победить.

– Ух ты! – она, кажется, обрадовалась даже больше, чем я. – Молодец. Быстро учишься.

Я не мог понять, от чего мне приятнее, – от победы или от ее похвалы. Мы сыграли еще несколько партий, сгребая пыль в центр игрового поля. Ее ладошки сделались серыми, как и кончик носа, который она потирала время от времени.

– Слушай, а у вас в доме еще дети есть? У соседей там, – спросил я после очередной победы.

– Почему ты спрашиваешь? – казалось, она по-настоящему испугалась. – Хочешь уйти? Тебе скучно со мной, потому что у меня нет фантиков? – ее голос дрогнул. Она могла

заплакать в любую секунду, но мне почему-то больше не хотелось ее расстраивать. И пугать тоже.

– Нет, конечно, – поспешил я ее успокоить. – Мне очень нравится играть с тобой, но я немного проголодался. – Я не знал, как поделиться с ней правдой о нас, монстрах. Может, она ее и не утешит вовсе. – Если честно, такие, как мы, питаются детскими страхами. А тебя я пугать не хочу, ты мне нравишься.

Она удивленно захлопала ресницами. А потом смущенно улыбнулась.

– Вот оно что. Ну, тогда иди к Ваньке, он в соседней квартире живет. Сегодня он назвал меня уродкой и толкнул. Его не жалко.

Мне очень захотелось уйти поскорее к этому Ваньке. Но не для того, чтобы поесть, а чтобы потом рассказать Даше, как он от моих стараний рыдал в три ручья и звал мамочку. Идея показалась настолько интересной, что я тут же поделился ей с Дашей. Она прыснула со смеху, и я невольно повторил за ней, получилось хрипло и со скрипом, как будто смеялся старый матрас. От этих звуков она захохотала еще громче, но тут же словно опомнилась и закрыла рот ладонями. Ее не прикрытый глаз сделался огромным, а сердце заколотилось так сильно, что я лапами почувствовал его стук вибрацией по полу. Я понял, что нужно замолчать, и затих. Мы пролежали в тишине несколько минут, а потом она выдохнула.

– Повезло, – взглянула на меня. – А ты еще вернешься?

Я подумал и кивнул.

– Да. Завтра я начну с Ваньки, а затем приду к тебе и мы снова поиграем.

Она улыбнулась, глаз заблестел.

– Я буду ждать, – сказала она.

На следующий вечер я шел к соседу своей новой знакомой в приподнятом настроении. Никому из своих я не рассказал про Дашу. Решил, что она станет моим секретом.

Пробило десять часов, и я превратился в пар, протиснулся в щели пола и замочные скважины. Почувяв меня, заскулила на пороге собака. Но я как можно скорее собрался в кучу и уполз к детской комнате, на двери которой висели рисунки машин. Собака быстро успокоилась, не успев привлечь внимание родителей, смотрящих телевизор в соседней комнате.

Я затек под дверь, прополз мимо игрушечных автомобилей, рассыпанных по ковру, на котором были нарисованы или вышиты улицы: асфальт, исчерченный пунктиром по центру, дома и деревья по краям. Такой ковер я встречал не в первый раз и сильно обрадовался. Мне нравилось ползать по нему, представляя себя филином или летучей мышью, которая парит над уснувшим городом. Ванька тоже спал. Он был для меня маленькой мышью или насекомым – добы-

чей, призванной убавить чувство голода до следующей ночи. Я облизнулся и заполз под кровать. Фантиков здесь не было, только грязные носки и коробки с настольными играми. Увидев на одной из них поезд, я подумал, как здорово было бы забрать ее с собой к Даше, развернуть под кроватью целый железнодорожный мир, вообразить нас птицами и парить над ним, рассказывая, кто и что видит. Такая игра, наверное, даже интереснее крестиков-ноликов!

Я приподнял коробку, чтоб заглянуть внутрь. Она зашуршала, внутри что-то брякнуло, и Ванька перестал сопеть, замер, точно прислушиваясь. Тогда я сунул лапу в коробку и стал перебирать пластиковые детали. В тишине комнаты они громыхали, как вагоны настоящих поездов. Я знал, что для мальчика на кровати так и ощущается этот звук. Ванька испугался, но не заплакал, только сильнее натянул одеяло и слабо скрипнул матрасом, вжимаясь в него всем телом. Я вдохнул его страх носом и ртом. Облизнулся от аромата, зачихав, чтоб следующий звук сделал трапезу еще приятнее.

Я не успел. В стену с обратной стороны будто что-то ударило. Ванька подпрыгнул на кровати, его сердце подпрыгнуло вместе с ним и забилось сильно-сильно, но тут же страх начал уходить, уступая место облегчению. «Ничего нового», – прочел я в этом спокойствии. Он принял грохот в соседней квартире за призраков в собственной комнате и обрадовался тому, что ошибся. Я же разозлился, скрипнул зубами, раздумывая, дожидаться затишья и попробовать снова

либо прямо сейчас скрипнуть ковром, задев одну из игрушечных машинок. Но тут за стеной прогремел мужской голос, и внимание сосредоточилось на нем. Слов было не разобрать, мужчина говорил невнятно, будто его язык заплетался. Говорил довольно долго, но ему не отвечали. Ванька снова начал сопеть. Я хмыкнул. Все шло не по плану. О чем мне рассказывать Даше? И тут я услышал ее голос, глухо, еле-еле. Испуганный и плаксивый. Даже удивился, а не показало ли.

– Папа, не надо.

Но ведь реветь должен Ванька!

Я снова прислушался. Скрип пола, сопение мальчишки, звук телевизора в соседней комнате, мягкие голоса тех, кто его смотрит: простой вопрос, простой ответ. Шлепок, второй, третий. Приглушенный вой, в подушку, натужные попытки его сдержать. Еще шлепок. И еще. И снова грубый голос с надрывом. Шаги и новый хлопок, точно по стене ударили. Или захлопнули дверь. Точно. Это и была дверь.

«Сегодня он уже не вернется».

Мне вдруг перехотелось есть. И я растворился, чтобы просочиться в щели и оказаться под ее кроватью.

– Вух, это ты? – она услышала меня еще до того, как я успел о себе сообщить.

– Я.

– Давно ты здесь?

– Только что пришел.

– Хорошо, – она улыбнулась сквозь слезы. – Мне все еще страшно. Угощайся, пожалуйста.

Я ощутил тошноту. Мне не хотелось есть. Совсем. Этот страх был мне неприятен. Он был другим. Хотя питаться им я не хотел по другой причине – мне просто казалось это неправильным. Ответив, что наелся в соседней квартире, я позвал ее вниз.

– Я не могу. Прости, – сказала она еле слышно. – Папа забрал фонарик. Я хотела его вернуть сегодня, но решила оставить, чтобы еще раз тебя увидеть.

– Значит, тебе из-за меня досталось? – голос прозвучал виновато.

– Нет, что ты, – быстро отозвалась Даша. – Он пришел бы в любом случае. Он всегда приходит...

Я помолчал, переваривая ее слова, как кусочки внезапного ужаса. Не было ни одной мысли, что сказать или сделать, как правильное поступить. Уйти незаметно и больше не возвращаться? Я мог без труда раствориться, она бы даже не заметила. Уйти будить детей этажами выше, проникнуть в соседние многоквартирные? Играть с фантиками и мячиками, наслаждаясь пряной трапезой от всхлипов и дрожи? Уйти и уже не вернуться.

– Тогда мы можем поговорить, – вместо этого предложил

я. – Для этого тебе не придется спускаться, и фонарик нам тоже не нужен.

Она благодарно усмехнулась.

– Ты такой хороший, Вух. Правда, хороший.

Я сидел под кроватью и не знал, что ответить. Полоска лунного света освещала дверь, за которой скрывался тот, благодаря которому Даша больше не боялась настоящих монстров. Медленно, до конца не понимая, что делаю, я выбрался из-под кровати, приблизившись к дорожке, обрамленной темнотой. Даша почти не всхлипывала. Она походила на куклу. Бездвижную, фарфоровую статую, уложенную на траву ушедшим на отдых мастером. Я смотрел на нее, не в силах оторвать глаз, когда она шевельнула рукой, а затем повернула голову набок, в мою сторону. На висках блестели дорожки от слез.

Дашина рука потянулась ко мне, и я пополз к ней навстречу. Шаг, другой – и лба коснулась теплая ладошка. Пришлось зажмурить верхние глаза, чтоб палец ненароком не угодил в них. Напрасно. Она не собиралась ощупывать морду. Наверное, ей было нужно просто чувствовать кого-то рядом. Кого угодно.

– Можешь побыть со мной, пока я не усну? – попросила она. Могла бы не спрашивать, я бы и так остался. Хотя с чего бы это? Я никогда не слышал, чтобы мои собратья вели себя таким образом, даже не знал, что мы на это способны. Сегодня же разужнаю у них, что к чему.

– Засыпай. Я буду рядом.

– А можешь залезть ко мне, как это делал мой песик?

– Нет, – я прищурился только от одной мысли об этом. –

Луна слишком яркая. Может, в следующий раз...

– Когда будет темнее? – догадалась она. – Хорошо. В следующий раз лучше, чем никогда. Мне нравится эта идея.

Она улыбнулась. Следующие несколько минут она молчала. Ее дыхание то и дело сбивалось, пока не сделалось глубоким и равномерным. Даша уснула. Я посидел около ее кровати еще немного и осторожно убрался из-под ее руки, юркнув в свое убежище. Самому хотелось отдышаться, но я боялся, что сделаю это слишком шумно и разбужу ее, ведь по-другому мы не умеем. Тогда я поспешил раствориться, думая лишь о том, что следующей ночью первым делом окажусь здесь.

Но я не смог сдержать обещания. Голод сделался невыносимым. Уже два дня я не питался нормально, поэтому начинать ночь пришлось с отдаленных квартир того же дома. Я искал детей того возраста, когда они начинают мнить себя взрослыми, развлекаться страшилками и фильмами ужасов, от которых не у каждого взрослого выдержат нервы. Нам это только на лапу. Я слышал, что некоторые из нас, кто постарше, умеют внушать спящим детишкам любовь и тягу ко все-

му опасному и неизведанному, вроде историй о гробике на колесиках или монстре, ожидающем тебя в темном подвале. Они сами и придумывают подобные истории, чтобы те подготовили плодотворную почву для пока еще богатого воображения. Я этого еще не умел.

С первым ребенком все пошло не по плану. Я поторопился, напугал его слишком сильно, из-за чего он сразу закричал. В коридоре включили свет, и мне пришлось испариться. Я не хотел рисковать. Родители могли заглянуть под кровать, пытаясь доказать ребенку, что там никого нет. Я, в свою очередь, из-за слабости мог впасть в оцепенение только от звуков голоса и топота ног взрослых. Сбежать до того, как откроется дверь, – основное правило молодых монстров вроде меня. Так поступать рекомендовалось, даже если ты сильно голоден.

Перебираясь под новую кровать в квартире на этаж ниже, я прокручивал в голове утренний разговор со Старшими, пытаясь отвлечься.

«А вы когда-нибудь разговаривали с детьми? А они с вами?»

Удивительно, но к вопросу не отнеслись с подозрением. Наверное, подобная идея, так или иначе, приходила в головы другим монстрам моего возраста. Чем ты младше, тем больше у тебя вопросов. Этим мы не отличаемся от человеческих детей. Так уж у нас устроено: чтобы пугать кого-то, ты должен понимать его страхи, его чувства, должен пройти через

них сам.

«Случалось мне говорить с одним, – поделился со мной родитель. – Правда, разговор был недолгим, я быстро ушел. Запомни, малыш, с несчастными детьми лучше дел не иметь. Их страх отравлен».

«Отравлен? Он что, может меня убить?» – ответил я, испуганный, что мне ничего не рассказали об этом раньше.

«Нет, малыш, он тебя не убьет, но засядет в желудке надолго. Старшее поколение считает, что каждый из нас должен встретиться с таким ребенком, пережить его страх, попробовать на вкус. Мол, этот опыт сделает тебя сильнее. Но в наше время это уже не имеет смысла. Детей много, на любой возраст и вкус. Почти у каждого – своя комната. Так к чему искать приключения на свой пятый глаз?»

Я тогда промолчал и даже задумался, а стоит ли возвращаться к Даше. Но тут же понял, что должен вернуться, что иначе я просто не смогу. Более того, я буду возвращаться к ней снова и снова, пока она будет расти и взрослеть. А когда достигнет того возраста, когда мы поменяемся ролями, когда я стану бояться одного лишь звука ее шагов, тогда я попрощаюсь с ней навсегда, сохранив в памяти все наши многочисленные разговоры и игры. Мы можем делиться друг с другом тайнами наших миров, она может путешествовать там, куда мне не добраться, и рассказывать о своих открытиях, я могу узнать много интересного о том, что происходит днем, каковы на вкус радуга и солнечный свет.

Со вторым ребенком я был куда осторожнее. Видимо, вдохновился идеей провести время с Дашей настолько, что и охота показалась милой игрой. Я дождался, пока ребенок уснет и приступил к работе. Его страх показался самым вкусным лакомством во всей черной тьме.

– Привет, Вух! Я так рада тебя видеть!

Я пришел к ней за пару часов до рассвета, наевшись до отвала в предыдущих квартирах. Не хотел отвлекаться на голод во время разговоров и игр. Мы же сегодня сможем поиграть?

– Я тоже рад, но почему ты не спишь?

– Тебя жду. Я знала, что ты придешь.

Я вообще-то планировал ее разбудить. Совсем не ожидал, что она засидится допоздна, только чтобы не пропустить мой приход. А ведь человеческим детям необходимо спать ночью, нас так учили. Раз уж я не планирую ее пугать в будущем, нужно будет договориться встречаться в одно и то же время.

Я аккуратно выполз из-под кровати, прислушиваясь к звукам за дверью.

– Не бойся, – Даша словно прочитала мои мысли. – Он не придет.

– Уехал?

– Можно и так сказать.

Сегодня луна была не такой яркой и лунной дорожки на полу не оказалось. Я расположился рядом с кроватью, взглянув вверх. Даша выглядела счастливой, словно обнаружила под елкой новогодний подарок. И даже ее бледное лицо и синяки под глазами не могли испортить внутреннего ликования.

– Поиграем в крестики-нолики? Или в города?

Мы начали с городов – просто потому, что игра была новая и мне захотелось ее изучить. Но довольно быстро оказалось, что города мы знаем совершенно разные и проверить друг друга не можем. Мне казалось, что Даша выдумывает, ведь не может существовать таких странных городов, как Красноярск или Воронеж. Прямо как цвет или птица, еще и длиннющие, и звучат как набор букв. Но Даша заверила, что не врет, и я ей поверил. В конце концов, я тоже играл честно, и она хихикала с моих названий не меньше, чем я – с ее. Было приятно, что она теперь может смеяться, не сдерживаясь, не закрывая рот ладошками и не оборачиваясь в ужасе на дверь. Интересно, надолго ли уехал ее отец?

Затем мы играли в крестики-нолики на полу возле кровати. Она свесилась с нее и рисовала пальцами кружочки на начерченной в пыли решетке, а я пытался ее победить своими кривыми крестиками.

Потом мы говорили о пиратах, королевских замках и единорогах. О приключениях, в которые когда-нибудь обяза-

тельно отправимся. Я даже и впрямь поверил, что это реально. Даша говорила, что будет нести меня в коробе днем, а ночью мы будем идти вместе бок-о-бок по лесам, лугам и болотам. И в каждом новом месте нас будет ждать клад. Причем не с золотом и драгоценностями, а с суперспособностями. Мы найдем крылья, чтобы летать, найдем жабры, чтобы дышать под водой, и обязательно найдем накидку, которая позволит мне не бояться света.

Говорила в основном Даша, а я слушал, временами вставляя и свои желания: попробовать страхи маленьких единорогов или вселиться в тело летучей мыши. Даша соглашалась и обещала, что все исполнится, как будто сама была волшебной феей из сказок, а не обычной девочкой.

Рассвет все испортил. Настало время мне уходить. Я собирался сказать ей об этом, но она поняла все до того, как я открыл рот.

– Кажется, нам пора прощаться, – произнесла она с грустной улыбкой. – Спасибо, Вух. Если честно, я боялась, что ты не придешь.

– Ну я ведь дал обещание, – я попытался вспомнить, было такое или нет, но тут же отбросил попытки. Ни к чему тратить на них последние минуты перед восходом солнца. – Ты сегодня выглядишь куда счастливее. Я рад видеть тебя такой. Завтра приду снова и мы...

– Прости, Вух, – перебила меня Даша. – Завтра меня здесь уже не будет. Мы больше не сможем видеться.

Я вытаращил на нее все пять глаз, пытаюсь понять, не шутит ли.

– Ты куда-то уезжаешь? Далеко?

– Далеко.

– К своему отцу? – испугался я.

– Нет, – ответила Даша. – К маме.

Я помолчал немного. Вспомнились удары и всхлипывания за стеной в нашу первую встречу.

– Так она не здесь?

Даша отрицательно замотала головой. Мысли мячиками запрыгали в моей голове. Они что же, бросили ее совсем одну ночью? Родители так не поступают. Не должны поступать! Нас учили, что папы и мамы готовы в клочья порвать тех, кто пугает их малюток. Должно быть, всю ночь ей было ужасно одиноко и страшно. Не будь я знаком с ней и окажись здесь из-за голода, мог бы напугать ее до смерти. Или сам умереть, отравившись страхом. Хотя Старшие говорили, что от такого не умирают. Может, все же попробовать сейчас, проверить? Может, тогда я немного лучше пойму, почему она заговорила со мной в первый день нашего знакомства? Может, если я отравлюсь, то мне будет не так обидно от ее слов? И я попробовал нащупать ее страх, поглотить его.

Я не ощутил ничего, кроме пугающей пустоты.

А Даша продолжила:

– Она ушла раньше, а я решила дождаться тебя, чтобы увидеть в последний раз и попрощаться.

Еще не до конца вникнув в ее слова, я похолодел от ужаса и отпрыгнул от кровати, не понимая, с чем столкнулся, но осознавая, что понимание напугает меня куда сильнее. Я обернулся к ней, чтобы убедиться: передо мной не наваждение, а все та же Даша, которая так мечтательно рассказывала о кладе и смеялась над названиями наших городов пару часов назад.

Она сидела на кровати и смотрела на меня. На ней была все та же серая пижама, перемазанная чем-то темным на груди. И это что-то незамедлительно растворялось вместе с ней.

– Ты ведь найдешь клад, Вух? – спросила она. – Найдешь и за меня тоже?

Я не успел ответить.

Это были последние ее слова. Первый луч солнца легонько обжег меня, но я почти не почувствовал боли. Я все стоял и смотрел на пустую кровать и на заляпанные брызгами стены. У Старших очень тонкий нюх, мне до такого расти и расти. Так мне казалось. Сейчас же я вырослел с каждым миллиметром поднимающегося солнца, ощущая все больше и больше запахов, давних, осевших, но еще не развеявшихся полностью. Что-то горячее, горькое. Оно было громким и смертоносным. Паленая шерсть – это от меня, нынешний запах, совсем близкий. Я убрал его на задний план, он сейчас лишний, продолжил поиски против своей воли. Запах псины, еще более давний, чем все остальное. Запах смерти и слез. Мокрой шерсти и пороха. Запах металла, и пота, и

грязи, и...

Боль от ожогов на щеках и куда более сильная – в груди.

Я не смог вытерпеть и растворился, убегая в свой мир с ощущением мокрых дорожек на щеках. Если честно, до сегодняшнего дня я не знал, что монстры умеют плакать.